

КОНСТИТУЦИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ: КРИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

Аннотация

В данной работе представлен критический разбор Конституции Китайской Народной Республики (КНР). Во-первых, применяется внешний аналитический подход: Конституция КНР рассматривается, исходя из предположения о том, что она отвечает общим требованиям справедливого общественного договора. Во-вторых, используется внутренний подход: Конституция КНР подвергается критике с точки зрения марксизма. Существует ряд аргументов, доказывающих, что Конституция КНР не функционирует в качестве общественного договора, поскольку защищает интересы государства в большей степени, чем интересы граждан. Далее в работе будет показано, что Конституция КНР не является последовательным отражением идей марксизма, поскольку в ней отсутствует гуманистический дух Маркса, и она не подготавливает государство к его окончательному историческому распаду, необходимому, согласно диалектике исторического материализма.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, конституция, гуманизм, критический подход.

Автор

Джеймс Д. Селлманн

Профессор философии, декан колледжа гуманитарных и социальных наук Гуамского университета (Мейнгилао, Гуам — неинкорпорированная организованная территория США)

Внешний подход

В качестве одного из аргументов мы хотели бы рассмотреть следующий вопрос: принимая во внимание, что между китайской и евроамериканской культурами существуют серьезные исторические и культурные различия, можно ли выделить основные критерии, которым должен соответствовать любой общественный договор, чтобы быть правомерным или справедливым. Мы допускаем, что не все политические конституции на самом деле являются общественным договором. Таким образом, у нации может быть политическая конституция, даже справедливая, но не общественный договор. Что такое общественный договор? Прежде всего, это договор, а договор должен служить интересам

всех заинтересованных сторон. Подобная обоюдная выгода, или *quid pro quo*, предполагает взаимовыгодный обмен одного на другое. Так, общественный договор должен уравнивать интересы правительства и граждан. Политическая конституция, являющаяся общественным договором, должна располагать определенными средствами, с помощью которых граждане смогут контролировать или регулировать власть правительства над ними.

Может, это будет сложно, но нам хотелось бы на данном этапе избежать дискуссии на тему межкультурного универсализма. Иными словами, мы не считаем, что вышеуказанный вопрос непременно предполагает, что общественный договор должен отражать некоторую идеальную модель или универсальную концепцию. Нам совсем

бы не хотелось переносить евро-американские политические ценности на Конституцию КНР. Мы также будем стараться уйти от упрощения и утверждения, что социальный контракт должен обязательно защищать права и индивидуальные свободы человека, а все конституции, которые не защищают их, по определению не являются общественным договором. Подобный подход изначально нивелирует суть заявленного вопроса и слишком очевидно противоречит Конституции КНР. При этом такой вид анализа неизменно применяется для изучения универсальной концепции прав и индивидуализма. Мы бы предпочли подойти к вопросу с более широкой позиции, а именно: с предположением, что общественный договор должен защищать интересы сторон и ограничивать полномочия государства, чтобы удовлетворить интересы противоположной стороны, то есть граждан. Мы утверждаем, что только общественный договор способен ограничить власть государства над гражданами, допуская определенную степень народного суверенитета, тем самым граждане регулируют, уравнивают или контролируют структуру власти в государстве. В этой связи следует критически оценить тот факт, что внешний аналитический подход все еще предполагает однозначный ответ на вопрос о том, должна ли любая конституция по определению считаться общественным договором. Конституция вполне может быть справедливой, не являясь общественным договором. Необоснованные предположения — это неизбежная проблема критических суждений, выходящих за рамки обсуждаемой темы, и поэтому мы также будем развивать критический вектор, основанный на внутренней, марксистской, перспективе. Впрочем, поскольку КНР продолжает развивать особые экономические зоны и все больше и больше членов партии инвестируют в Гонконг и мировую экономику, деловой

договор приобретает все более значительный вес в рядах коммунистической партии, и, соответственно, растет значимость общественного договора. Мы можем предположить, что сегодняшняя внешняя критика, в конечном итоге, станет неотъемлемой частью перспективного развития КНР и приобретет большую силу.

За последние девяносто лет китайцы приняли 11 конституций или проектов конституций [1. — Р. 78], что обеспечило прочную эмпирическую и практическую основу для нынешней Конституции, принятой в 1982 г. Эндрю Натан выявил шесть общих идей среди разнообразия китайских конституций двадцатого века: 1) права обусловлены не человеческим достоинством, а политическим членством; 2) права со временем меняются; 3) права являются программными; 4) правительство может ограничивать права; 5) ничто не сдерживает власть правительства и 6) задача конституции не заключается в эффективном обеспечении народного суверенитета [1. — Р. 121–122]. Таким образом, главная проблема Конституции КНР заключается в том, что она не претендует на то, чтобы гарантировать народный суверенитет и формировать систему контроля власти правительства. В Конституции КНР отсутствуют основные критерии общественного договора, поскольку в ней не оговаривается народный суверенитет и контроль власти.

Вторая проблема Конституции КНР заключается в закрепленных в ней основных принципах. Хотя Конституция и претендует на установление «социалистического государства демократической диктатуры народа» (Ст. 1), фактически жестко ограничивает возможности реализации личных интересов граждан, что недвусмысленно изложено в статье 51 Конституции КНР: «Граждане Китайской Народной Республики, реализуя свои права и свободы, не имеют права посягать на интересы

государства, общества или коллектива, или на законные права и свободы других граждан» [2].

Настоящему контрактарианцу (*сторонники современной модифицированной концепции общественного договора*. — Прим. ред.) трудно согласиться с тем, что народ не имеет права противоречить государству, что государство более ценно, чем граждане, и тем более с тем, что не существует никакого способа ограничить власть государства и что народ не может реализовать свое право на суверенитет, что в корне противоречит понятию общественного договора. Как кажется, статья 51 противоречит многим статьям Главы I Конституции КНР «Общие принципы». Следует упомянуть некоторые из них:

Статья 1: «Китайская Народная Республика является социалистическим государством народно-демократической диктатуры под руководством рабочего класса, базирующимся на союзе рабочих и крестьян...».

Статья 2: «Вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу...».

Статья 3: «Всеитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей ... формируются через проведение демократических выборов. Они несут ответственность перед народом и находятся под его контролем».

Статья 6: «Основой социалистической экономической системы ... является ... общенародная собственность».

Статья 7: «Государственная экономика — это сектор социалистической экономики, находящийся в собственности всего народа».

Статья 9: «Все минеральные ресурсы ... и другие природные ресурсы находятся в собственности государства, т.е. в общенародной собственности».

Таким образом, существует явное противоречие между определяемым как государство народом и государством, ограничивающим право

народа действовать против государства. Если народ — это государство, то он должен иметь возможность его контролировать, стабилизировать и участвовать в принятии государственных решений.

Государство может ограничивать права народа только в том случае, если государство и государственные учреждения полностью независимы от народа, что, по-видимому, и происходит. Другими словами, выражение «народная демократическая диктатура», хоть и звучит серьезно, однако на самом деле не более чем пустая риторика. Конечно, это выражение — интерпретация известной «диктатуры пролетариата» К. Маркса. Итак, теперь мы перейдем к марксистской критике.

Внутренний подход

В этой части работы мы рассмотрим следующие вопросы: нашли ли отражение в Конституции КНР основные ценности марксизма; поддерживаются ли в ней идеи марксистского гуманизма; подготавливает ли она базу для возможного «распада» государства.

В первую очередь, оговоримся, что Маркс был гуманистом. Что это означает? Существует главным образом две определяющие характеристики светского, или нерелигиозного, гуманизма: исключение всякого обращения человека к сверхъестественной, трансцендентной, абсолютной реальности, к Богу, а также формирование и впоследствии развитие целей, значения и смысла жизни. Философия Маркса отвечает этим двум критериям. Во-первых, марксизм — это материализм. Как материалист Маркс четко отличает свою диалектику от идеализма Гегеля. Марксизм не обращается к сверхъестественной трансцендентальной конечной реальности или к Богу. Маркс категорически атеистичен и даже высказывается против религиозных институтов, считая их служителями

господствующей экономической и классовой системы, а также опиатом масс. Как мы помним, не так давно было популярно сравнивать и отмечать сходства между религиозными и марксистскими идеологиями. Марксизм, конечно, выглядит как квазирелигия или светская религия, но гуманизм в этом отношении ничуть от него не отличается. Во-вторых, Маркс — гуманист, потому что он верит и утверждает, что люди могут преобразоваться с помощью труда и создавать лучшую, морально более гуманную, экономическую систему. Для Маркса конечная цель, значение и смысл человеческой жизни могут быть и будут реализованы в коммунистической утопии.

Но какое все это имеет отношение к Конституции КНР? В преамбуле Конституции КНР утверждается, что она создана на основании идей марксизма-ленинизма (ст. 4). Если Конституция КНР действительно руководствуется марксизмом, она должна отражать и его гуманистический дух. Однако доминирование государства над личностью гражданина, а именно ограничения, налагаемые на гражданина в статье 51: «Граждане Китайской Народной Республики, реализуя свои права и свободы, не имеют права посягать на интересы государства...», — отнюдь не отражают марксистский гуманизм. Поскольку гуманизм Маркса направлен на реализацию коммунистической утопии, которая призвана максимально расширить понятие «свобода», мы могли бы ожидать, что социалистическое государство, такое как КНР, будет славить и превозносить свободу, а именно свободу отдельного гражданина и коллектива, потому что в их диалектическом обмене личное и коллективное следуют рука об руку. Впрочем, реальная структура власти государственной бюрократии КНР до сих пор сохранила некоторые, по выражению Маркса, «родимые пятна» традиционной феодальной царской монархии и ее бюрократии. С точки

зрения исторического материализма Маркса эти «родимые пятна» неизбежны, учитывая феодальный генезис КНР. Поскольку КНР появилась не в результате восстания промышленных рабочих, а скорее после крестьянского восстания, социалистическая концепция была вынужденно ограничена. Из-за очевидно детерминистского элемента в принципе исторического материализма, сформулированного Марксом, ранний коммунизм или социализм может родиться только из капитализма, а не из феодальной экономики землевладельцев, так что «социализм с китайской спецификой» оказывается невозможным.

Маркс изображает развитие коммунизма из «утробы» капитализма в работе «Критика Готской программы» как процесс, состоящий из двух или трех этапов. Маркс дает следующее описание первой стадии зарождения коммунизма в капитализме:

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а ... с таким, которое только что выходит из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [3].

Пути распределения благ на данном этапе низшего коммунистического общества резюмируются в лозунге: «От каждого по его способностям, каждому — по его труду». В вышеприведенном фрагменте описана стадия, которую марксисты позже назвали социализмом. Далее Маркс предсказывает «более высокую фазу коммунистического общества»: «...после того как исчезнет поработощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет

сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются Полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [4].

Согласно анализу Бьюкенена, существует очевидная двусмысленность в суждениях Маркса о развитии коммунизма. Бьюкенен предлагает два возможных варианта ее разрешения. Первый предполагает «трехступенчатую последовательность:

- 1) диктатура пролетариата;
- 2) первый этап коммунизма;
- 3) более высокая фаза коммунизма,

при этом обе стадии коммунизма развиваются вне понятия “государственности”» [5].

Второй вариант — двухэтапную последовательность:

- 1) первый этап коммунизма, включая диктатуру пролетариата;
- 2) более высокая фаза коммунизма.

Оба варианта согласуются с утверждением Маркса о том, что диктатура пролетариата является переходной фазой между капитализмом и коммунизмом, а развитое коммунистическое общество существует вне государства [5].

Отметим, что комментарий, приведенный выше, имеет информационную значимость, по крайней мере, по трем причинам. Во-первых, как напоминание о том, что в диалектике исторического материализма существует наследие более ранней стадии, то есть в раннем капитализме — признаки феодализма и, соответственно, в раннем социализме — признаки капитализма. Во-вторых, становится очевидным, что для Маркса гуманизирующий процесс истории ведет к окончательной гибели государственности. В-третьих, интересно отметить, что в Конституции

КНР исторически закреплена именно второй вариант развития коммунизма. В 1993 г. восьмое Всекитайское собрание народных представителей внесло девять поправок в Конституцию. Одна из этих поправок касается преамбулы, в частности:

«Наша страна находится на начальном этапе социализма. Основной задачей, стоящей перед нацией, является концентрация усилий, направленных на социалистическую модернизацию в соответствии с теорией построения социализма с китайской спецификой. Под руководством Коммунистической партии Китая и следуя идеям марксизма-ленинизма и учению Мао Цзэдуна, все населяющие Китай народы продолжают движение по дороге народно-демократической диктатуры и социализма, поддержки реформ и открытости внешнему миру, неуклонного совершенствования институтов социалистического общества, развития социалистической демократии... превращая Китай в сильную, процветающую, высококультурную социалистическую страну» [6].

Очевидно, что Конституция КНР претендует на роль документа народной демократической диктатуры на начальном этапе социализма, и ее главная задача заключается в развитии и укреплении социалистического государства.

Как это связано с Конституцией КНР? Во-первых, известно, что так называемая коммунистическая революция в Китае, как и большевистская революция в России, была крестьянской, а не рабочей. Если в качестве аргумента мы примем марксистскую концепцию исторического материализма, то Россия и Китай, свергая существующие формы феодализма землевладельцев, прокладывали путь к капитализму, а не к раннему социализму. Поэтому неудивительно, что Советский Союз и правительство КНР, рожденные из феодализма, отмечены «родимыми пятнами» диктатуры монархии, а не диктатуры пролетариата или народа.

Продолжая наше рассуждение, предположим, что мы разделяем позицию Маркса, и тогда становится легко объяснить, почему Советскому Союзу суждено было потерпеть неудачу, почему в стране сейчас развивается капитализм, почему КНР должна развивать особые экономические зоны и уступить место капиталистическому строю, — все это предшествует развитию социализма. Еще важнее, что этим объясняется, почему Конституция КНР не готовится к собственному потенциальному аннулированию. Исторические потребности Китая на ранних стадиях социализма (или капитализма) не могут быть связаны с гибелью государства, потому что основная задача в настоящее время заключается в том, чтобы построить и укрепить государство. Отчасти это связано с влиянием ленинизма; Маркс лишь вкратце обрисовал диктатуру пролетариата и процесс развития низшей и высшей фазы коммунизма, Ленин же подробно остановился на них. Впрочем, Ленин также подчеркивал значение этапа гибели государства [7]. Реалистичный социалистический политико-экономический порядок должен осознавать неизбежность краха государства и быть готовым к конечной, безгосударственной, ступени высшего коммунизма. По-настоящему реалистичная социалистическая Конституция должна иметь

статьи, которые благоприятствуют, во-первых, стремлению правительства к фундаментальной административной цели и, наконец, к его окончательному распаду. Таким образом, у Конституции КНР существует еще одна проблема: она не готовит государство к процессу «увядания».

Китайские и американские конституционные традиции могут многое позаимствовать друг у друга. Конституция КНР нуждается в системе контроля и регулирования, а народу нужны методы реализации прав народного суверенитета. Китайская конституционная традиция в некотором смысле унаследовала эксплуататорские и тиранические элементы традиционной феодальной монархии. В идеале правитель является выразителем потребностей народных масс, но на практике китайский император всегда действовал по законам фацзя (так называемого легизма) и принципов тирании власти.

В свою очередь, американская конституционная традиция может быть обогащена признанием того, что, по крайней мере, некоторые права и свободы не являются неотъемлемыми, их необходимо заслужить, а некоторые права, особенно контролирующие доступ к социальным благам, например, права на социальную обеспеченность, могут меняться с течением времени.

Литература

1. *Andrew J. Nathan*. Human Rights in Contemporary China. — New York: Columbia University Press, 1986.
2. Constitution of the People's Republic of China, перевод взят из английского издания: *Laws of the People's Republic of China*. Beijing: Foreign Language Press, 1994. — P. 36.
3. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Избранные произведения. — Т. II, 1948. — С. 13.
4. *Маркс К.* Замечания к программе германской рабочей партии // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинение. Издание второе. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — С. 20.
5. *Allen E. Buchanan*, *Marx and Justice. The Radical Critique of Liberalism*. — Totowa, New Jersey: Rowman & Allanheld, 1982. — P. 23.
6. Конституция КНР, Преамбула. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1982.

7. Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Т. 33. — М.: Издательство политической литературы, 1974. — С. 1–120.
-

**Перевод статьи с английского осуществила
выпускница филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Мария Шадская

